

Ирху

Царь Гороховый

Четвёртый очерк

Белореченск - Майкоп
2013 год

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие.....	
2. О рабовладении.....	
3. О родословной Унегхана	
4. Рогатый чёрт	
5. Золотая цепь	
6. Наказание <i>задним числом</i>	
7. Подарки Чингизу, и князю Всеволоду	
8. Освоение Лукоморья	
8.1. Сайхинский мечтатель.....	
8.2. Похищения Золотого Царя	
8.3. Анчар	
8.4. Царь зелёный	
8.5. Ссылка в Большой Царын и Дружный.....	
9. Прибытие в Москву	
10. Приложение.....	

Предисловие

В третьем очерке читатель познакомился с Великим человеком, оставившим о себе различную память у многих народов в XIII веке, главным образом, как великий завоеватель. Но на поверку все его завоевания оказались мифом. Это так, хотя бы потому, что нет государства на Земле, включая Монголию, которое заявило бы, что его возглавлял Чингисхан. Чингиз был. Титулов у него не было – это достоверно.

Но в те времена жили и другие Великие люди в своих делах. Из них выделим двоих оставивших глубокий след в истории России. Их деятельность подверглась замалчиванию, а народная память сохранила только прозвища – *Царь гороховый* и *Шут гороховый*. Другие прозвища, например, Москаль оторвались от конкретной личности.

В настоящем очерке речь пойдёт о *Царе Гороховом*, или *Попе Иване* до того момента, когда он оказался в Москве.

О рабовладении

Рабовладение было широко распространено в средние века и имело несколько форм его реализации. Классическая, древнеримская форма, существовала у тех народов, которые понимали значение слова *klave* (раб) или другого слова, близкого по произношению. Это слово надёжно клеймило человека. Рабов иногда клеймили и в буквальном смысле этого слова, выжигая слово *klave* на их теле. Другие формы членовредительства использовались для наказания раба, например, при бунте или попытке к бегству. В рабство попадали пленные и их семьи, а также дети при их продаже. Выход из рабства был через побег или через коллективный *бунт*, а с приходом капиталистических взаимоотношений – также и через выкуп. У славянских народов не было рабовладения, поскольку для понятия раб повсеместно использовалось слово *робь*, или слово созвучное ему.

В Поднебесной, де-юре, рабами были все подданные Императора. Выход из рабства был только через *бунт*, но существовали сословия, позволявшие рабам иметь своих рабов. Эти вторичные рабы были рабами де-факто. В рабство попадали из *долговых ям*, если никто не погашал долг человека за установленный срок. От рабов, находившихся, как минимум в знакомстве, хозяева старались избавиться, продавая и перепродавая рабов. Рабов клеймили словом «*не человек*» и с ним обращались хуже, чем с домашними животными – от убийства оберегала только возможность *доноса* Императору. Психологический надлом у рабов в Поднебесной был таков, что они не заводили потомства и, как правило, долго не жили. Выходом из рабства была продажа раба народу не подданному Императору.

Система рабовладения получила сокрушительный удар, когда во всей Поднебесной установилась династия *Юань*, возглавляемая Великим Ханом *Хубилаем* и его преемниками. Хан не воспринимался как Император, а Императрицы не владели правом собственности жизни всех своих подданных. Через какое-то время пришли новые династии, но система рабовладения не возродилась.

В старо-тибетском обществе человек не мог в одиночку противостоять суровому климату высокогорной страны. Выжить можно было, войдя в состав какой-нибудь общины, или обзаведясь не менее чем десятком рабов. Рабство было договорным, как правило, за кров и еду. Отношение между рабами и их хозяином соответствовало

отношению слуг к своему Господину. Более подробное описание этих взаимоотношений излагается в данном Очерке.

О родословной Унегхана

Лун(г), Поп Иван, был коренным тибетцем из привилегированного сословия, называвшегося *лунгами*. В докапиталистических общественных системах символика играла ключевую роль в иерархии, и лунги не были исключением. Своё название они получили от священной, самой высокой горы на Тибете – *Джом-о-лунг-мы*, что означает *девятigliавая*. Девять родовых общин на Тибете занимали привилегированное положение в тибетской иерархии. Прародители этих родов были обожествлены, и их называли *сахюусанами*. Лунг принадлежал к родовой общине, *сахюусаном* которой был *Намсарай*.

Род Лунга в старо-тибетском обществе разбогател на работорговле. Рабов по бросовой цене поставляли феодалы Поднебесной, которая и в те времена была перенаселена – Империя ни с кем не воевала, а феодалы не могли казнить своих рабов, так как жизнь человека в Поднебесной принадлежала исключительно Императору.

Но настали тяжёлые времена, и богатство, накопленное предками, кончилось. Лунг был вынужден искать работу у *настоятелей* монастыря, но её не было. Чтобы хоть как-то выжить, аристократу пришлось *выйти на панель, предлагая себя арабам*. Обнищавшему тибетцу удалось разжалобить студента Ю, который предложил коммерческий проект Анчар, выгодный для Тибета. Сам Ю Ань в нём не участвовал – заниматься коммерцией лицам духовного заведения на Тибете было запрещено.

Лунг составил, трудно прослеживаемую, цепочку из посредников арабов, которых не интересовала политика, и которым Поднебесная разрешала доставлять различные товары в контролируемые ею земли. Каждый араб знал только своих соседей по цепочке.

Имя *Поп Иван*, Лунг получил от Марии, которая проголосовала за присоединение тибетца к компании реформаторов. Создавая прозвище, ей не за что было зацепиться, и она предложила: *Ро-ри-ван – что по, что пи – одно (и тоже)*.

Своё окружение Поп Иван удивлял тем, что обожал *горох* в любом виде. Для *тибетцев* это и сегодня в порядке вещей – другие культуры не выдерживают суровый климат высокогорной страны. Горох – единственный, не импортируемый *злак* жителей Тибета. За пристрастие к *гороху*, Борис наградил *Лунга* прозвищем – *Царь Гороховый*, а себя – *Шут Гороховый*, поскольку знал, что царям полагаются шуты.

В жизни Лунга происходило множество кризисных ситуаций, из которых ему удавалось выкарабкаться, сохраняя лицо аристократа, но жертвуя всем остальным. Первый значимый кризис последовал за кражей веток анчара.

Рогатый чёрт

Мария со своим сыном заняла небольшой грот вблизи *монастыря* и превратила убежище в нечто напоминающее келью, утеплив её всевозможным тряпьем. Однажды глубокой лунной ночью она увидела из своей *убогой кельи*, как *большой рогатый чёрт* потащил к монастырю котомку, сгибаясь под тяжестью ноши. Чёрт перебросил ношу через ограду, ловко перебрался вслед и долго возился у входа в *монастырь*, а потом поплёлся назад, тяжело дыша, перелез через ограду и устроился на отдых.

Молодая мама, преодолевая страх, покинула своё убежище и приблизилась к рогатому чёрту – это был не чёрт, а человек. У неё хватило мужества, перебраться самой через ограду монастыря и ознакомиться с работой ночного пришельца. Под ковром она обнаружила ветки с тяжёлым одурманивающим запахом. Мария догадалась, что человек принёс вязанку веток ядовитого растения, и поэтому выбрал лунную ночь для своей работы. Ветки, торчащие из вязанки, она приняла за рога чёрта, когда человек нёс тяжёлую ношу.

Ей пришло на ум, что кто-то хочет кого-то отравить. Но в монастыре находился её принц! А вдруг злодейство задумано против её **Хан аа**! Она, стараясь не дышать, обломала с веток все ядовитые веточки, оставив после себя голые палки. Все веточки протолкнула сквозь штыри ограды, потом перелезла через ограду и спрятала добычу в камнях, перенося из предосторожности по нескольку штук ядовитых веточек за один раз. Не забыла прихватить и коврик, в который замотала ветки так, что по запаху нельзя было обнаружить её добычу.

Мария подождала, когда чёрт *очухается*, и решила проследить за злодеем. *Лунной* ночью хорошо было видно, и она сопровождала тибетца до большого камня, где того ожидал араб-напарник с вьючной лошастью. Вначале передача денег арабу шла без проблем, но потом начался спор и араб предложил тибетцу рассчитаться натурой. Мария с интересом рассматривала новый для неё вид интимных услуг. Решив, что это вполне безопасный способ приработка, она вышла из укрытия для опробования нового способа. Мужчины без интереса взглянули на третьего участника *игры*. Араб уже получил своё и вопросительно взглянул на тибетца, который не понимал арабскую речь Марии. Будучи пару лет женой арабского принца, Мария, естественно, владела и этим языком.

Тибетец не привыкший выступать в предложенной роли, вздохнул и решил преподать урок женщине, никогда не практиковавшейся в этой *игре*. Мария терпела боль, но ей нужны были деньги – дорожные деньги кончились, и приходилось у монастыря просить милостыню.

К удивлению и негодованию Марии тибетец, назвавшись *Лунгом*, стал требовать от неё денег за работу. Араб объяснил, что *Лунг* прав: в этой *игре* иные правила – платит тот, кто предлагает себя. Ей ничего не оставалось, как повести компанию к монастырю, чтобы, в случае необходимости, показать тайник и расплатиться ядовитыми веточками и ковриком. Но тибетец перегородил ей дорогу и стал громко на неё кричать, грозя внушительным кулаком.

Возмущению Лунга не было предела. Если бы не присутствие араба, то тибетец убил бы Марию. Араб хоть и лишился работы, но он был на чужбине и мог поискать счастья в другом месте. Лунг был у себя, и он не мог найти другой работы. Араб довольно спокойно переводил взволнованную речь тибетца, который расписывал во всех подробностях последствия поступка Марии для благополучия *настоятелей* данного монастыря, его и других:

– От тебя пострадало много людей: и те, кто заготавливал лекарственные ветки, и те, кто привозил их сюда и те, кто делал *настои*. Но больше всех пострадал я, как *казначей* этого дела.

Далее он в красках поведал о своей работе:

– При свете месяца я ложу ветки ядовитого сырья по *правую* руку от входа в монастырь. Потом накрываю их принадлежащим лично мне *ковром*, который был по *левую* руку, и который ты унесла. Затем при свете месяца собираю *левые деньги* там, где до этого лежал ковёр.

– Деньги отдаю арабу для оплаты труда будущих заготовителей, которых он наймёт. Где находятся ядовитые деревья, знает только какой-то араб и больше никто. Настоятели не доверяют арабам, а тибетцам доверяют, поэтому арабам без местного человека не обойтись. Этот араб забирает у меня всё, а если я потеряю *пару* монет, то приходится платить натурой, – пожаловался Лунг.

– Принесённое в прошлом году сырьё закончилось. А что будет теперь? – философски воскликнул тибетец, – Полночь прошла, и деньги я взял. А вместо веток ты оставила палки. Получается, что я обманул *настоятелей*. Вернуть деньги я не могу – араб мне их не отдаст – они предназначены остальным компаньонам этого араба. Эти деньги должна вернуть мне ты.

Лунг ещё долго читал нравоучение – он любил пофилософствовать. Смолк только тогда, когда заметил, что араб прекратил переводить его разглагольствования.

Марии было предложено искать способ компенсации убытков тибетца. Ничего она придумать не смогла, как продать себя и ребёнка в рабство Лунгу, который определил ей место работы – тот же злополучный камень и метод работы – не экзотический. В конце каждой недели тибетец приходил за выручкой. Вскоре он проникся к ней уважением – Мария быстро погасила долг. Тибетец стал знаками предлагать перезаключить взаимовыгодный контракт – она же с презрением отворачивалась.

Прошло лет двадцать, и Бортэ отомстила работорговцу – Поп Иван попался в сеть расставленную Марией и стал её рабом.

Золотая цепь

Время шло, а никаких мер против явно зарвавшегося Попа Ивана Чингиз не предпринимал, и Бортэ, прождав 14 лет, в 1204 году решила взять инициативу в свои руки:

– Поп-Иван ни с кем не советуется и не собирается переходить на монгольский язык, – заявила как-то Бортэ.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовался Чингиз, – Я не могу мешать человеку, жить по другим правилам. А орган по защите Уклада Кочевья, ещё не создан.

– Надо вернуть Лунгу его вклад. Мы что не сможем обойтись без его грязных денег? – в упор спросила Бортэ.

– *Деньги не пахнут*, – ответил Чингиз, – А на носу дорогостоящие мероприятия. Хотя можно взять деньги у моего отца под обещание.

– Что за обещание? – заинтересовалась Бортэ.

– Мне отец пообещал выделить столько скота из своего стада, сколько смогут обслужить мои жёны, – ответил Чингиз, – Если я ему пообещаю объявить тебя женой, скажем, в течение месяца, то под это обещание можно будет попросить некоторую сумму для выкупа невесты. Быть ей женой или нет – решит отец после испытательного срока. Но этот обычай скоро уйдёт в прошлое. В Новом Укладе Кочевья совсем другие правила.

– Хочу немедленно стать твоей первой женой, – заявила Бортэ, – Моим отцом объявляю Попа Ивана. Выкупай меня у него и все вопросы будут решены.

– Не торопись, – остановил её Чингиз, – Во-первых, сначала поработай у отца, в качестве *батрака*; во-вторых, скажи, сколько твоих монет в общем котле, чтобы определить вклад Унегхана, и, в-третьих, нельзя возвращать его вклад деньгами – я не хочу поощрять грязный бизнес.

Борте ответила:

– Мой вклад – 60 (Schock) золотых монет, и они заработаны честно, а вклад Попа Ивана – 60 серебрянных монет, но они заработаны нехорошим способом: он торговал своим телом!

Уже на другой день она заявила:

– Решение найдено. Мне нужны 60 серебрянных монет и золотых дел мастер, который сделает *корону* с золотым *орнаментом*.

Спустя месяц Мария сама вручала корону Унэгхану в присутствии переводчика Чингиза. Унэгхан был ошарашен, но заметил Чингизу на тибетском языке, что в таком случае и 60 золотых монет его бывшей рабыни тоже должны считаться грязными, так как это её дополнительный заработок – основной был две серебряные монеты в день. Услышав новую трактовку *карманных* денег Марии, Чингиз заинтересовался моральной стороной договора между его подругой и Попом Иваном.

Вопрос был оформлен в виде реплики, и Мария не придавала ему значения и не потребовала его перевода. Поп Иван любил пофилософствовать с умными людьми. И в этом случае он говорил обо всём и ни о чём:

– Что такое хорошо? *Воровать* – это хорошо! А что такое плохо? *Врать* – это плохо!

А потом заявил, чтобы снять с себя обвинение в присвоении чужих денег:

– Грязные деньги бывшей рабыни не могу вернуть – клиентов было много, а бегать за каждым, чтобы 2 монеты сунуть ему в зад – смысла нет. Но коммерсант *Лун* готов вернуть эти деньги арабской стороне:

– Ожидаются коллеги по цепочке доставки сырья *анар*, которые решили возродить промысел. Даже не знаю, сколько теперь человек будет работать в транспортировке сырья. Они придут за деньгами для первой доставки *анара*, а денег нет. И как мне теперь быть, если *мои* деньги Бортэ пустила на изготовление короны? Вещь конечно нужная, но это уже не деньги.

Чингиз ответил двусмысленно:

– *Подожди*.

Вдаваться в подробности было нельзя – рядом стояла Бортэ, которая пыталась понять, о чём разглагольствует Унэгхан. Она спросила об этом Чингиза и услышала то, что и следовало ожидать:

– Обо всём и ни о чём – пропустил мимо ушей.

Важность этого разговора в том, что с этой минуты Чингиз стал верить всему, что говорил Унэгхан и не верить ничему, что говорила Бортэ – ни единому её слову! Более того, он решил следить за ней, и поэтому не стал откладывать женитьбу в долгий ящик.

Пустив грязные деньги Лунга на корону, Чингиз расправился и с грязными деньгами Марии, По его заказу из шестидесяти золотых монет была изготовлена золотая цепь с тридцатью звеньями. Договорной долг в 60 серебряных монет она отдала хозяину ещё на Тибете, но у неё осталась заначка: в 60 золотых монет с гаком.

По просьбе Чингиза семнадцатилетний Джучил отнёс золотую цепь Унэгхану. Сын поинтересовался у отца, за что такой подарок, и получил исчерпывающий ответ. Поэтому он никогда не рассказывал своей матери о золотой цепи и снизил о ней своё мнение.

Унэгхан посадил на золотую цепь своего любимого *сиамского* кота. Кот не был учёным и подолгу держать себя на цепи не позволял.

Лунг знал, что его хозяйка Бортэ посылает его помогать её русскому сыну, имени которого она ему не сообщила. «Ладно, – подумал авантюрист, – Только выберусь в другую страну, сразу же поквитаюсь со злой старухой».

Наказание *задним числом*

– У нас скоро свадьба и я хотела бы со своей стороны пригласить на неё Унэгхана, – заявила Бортэ.

– Не возражаю, – согласился Чингиз, – Но сначала приглашу гостей с моей стороны.

Чингиз явился во дворец Унэгхана, чтобы объявить хозяину о необходимости изучения монгольского языка, знание которого обязательно для приглашаемых на свадьбу людей.

– Не буду я учить твой язык, ради свадьбы. У меня что, других дел нет? А Бортэ передай, что корону будет носить более достойный человек, чем я – Чингисхан! На ближайшем хурале мои люди предложат твою кандидатуру на пост Предводителя. И жену я найду тебе из богатой семьи, а воровка **анара** (промыслового товара) не достойна, быть женой Предводителя!

– Она воровка, и я докажу это! Придёт время – побываю в родных краях и найду тайник, куда она спрятала ядовитые веточки, завернув их в мой коврик! – бушевал Поп Иван вслед уходящему Чингизу, торопившемуся получить разъяснение у своей без пяти минут жены.

Узнав из уст Чингиза о реакции Попа Ивана, Бортэ пришла в бешенство и заявила:

– Он врёт! Поедем сейчас к нему, и ты увидишь, как он *запоёт у меня!*

Пока ехали во дворец, Бортэ подготовилась и начала свою речь с инструкции по обращению с короной:

– Короны могут касаться только руки коронованных особ, а также тех, кого коронованные особы назначат для передачи короны понравившемуся человеку, предварительно проведя процедуру коронования *фаворита*. Я являюсь коронованной особой, могла бы короновать своего мужа, но не хочу, а почему – это не твоего собачьего ума дело.

Слушая переводчика, Лунг сначала улыбался розыгрышу, а потом до него стало доходить, что *белая Ворона*, определившая себя в рабство – знатная особа. И он спросил Чигиза:

– А какие права у *белой Вороны* в твоём обществе?

– Свои права она определяет сама – их надо выполнять. Но общество моё, и я могу вносить коррективы в её приказания, чтобы не нарушать уклад.

– Спроси у неё, что она прикажет, если я не подчинюсь её приказаниям.

– Спрашивать ни её, ни меня не надо – мы этого не знаем, и знать не хотим. Знают все кому это интересно. Знает и твой слуга, который общается с внешним миром.

– Сейчас схожу и спрошу.

Поп Иван возвратился в подавленном состоянии:

– И ты позволишь, чтобы меня на свадьбе *сварили*?

– Я не пойду против желания народа, но буду дуть на *белую* воду, сколько хватит моих сил и вытащу тебя из *чана*, если ты протянешь мне руку. Это я тебе обещаю. Звать на помощь не надо. Надо знать новый язык и лучше не быть иностранцем. Для моих людей *белая Вороона* не страшна. *Вороон* никто не боится, разве что малые дети.

– Но тот, кто *толкнёт* меня в *чан*, совершит убийство! Я знаю, что китайские императоры и за более мелкие проступки лишают человека жизни, но ты мне говорил, что у тебя нет смертной казни!

– *Толкнуть* и *убить* – это разные слова. Сходи и узнай у слуги – он тебе всё *растолкует*. Он знает, что будут об этом говорить люди на другой день и потом во все времена, вне зависимости, что с тобой на свадьбе случится.

Идти к слуге Поп Иван не стал. Он распластался у ног Бортэ и как собачка стал следить за её взглядом, готовый за сохранение жизни исполнить любой каприз, который прочтёт в её глазах.

Мария выдержала паузу:

– *Поп Иван!* Слушай мой приказ! Даю тебе три месяца и ни дня больше на обучение языку моего *Принца*. Следующий приказ ты получишь здесь на его языке. Помощь в освоении языка тебе окажет Чингиз.

Чингиз переводил эти слова накануне своей свадьбы.

На свадьбе невеста спросила жениха, почему отсутствует Поп Иван.

– Новый язык оказался ему не под силу, – сообщил Чингиз, который не мог выполнить указание Бортэ, не нарушив договорённость – *не обучать Лунга новому языку, пока тот сам об этом не попросит*.

Бортэ ничего не ответила, но без боя лишаться помощника – она не собиралась:

«Раб за непослушание должен быть примерно наказан» – мысленно решила она, – «Да так, чтоб другой раз ему *неповадно было*. Мой первый приказ раб не смог выполнить, из-за помощи Чингиза. При отсутствии этой помощи – ему не сложно было бы освоить язык, который он начал понимать к концу путешествия компании через Тибет. Приказ был отдан, и я не собираюсь его отменять».

Чингиз, выведя Попа Ивана из-под влияния Бортэ, решил не допустить обратного хода событий и усилил бдительность за поведением жены. Ждать пришлось не долго – однажды ночью он обнаружил пропажу Марии. Чингиз вскочил на своего коня и вскоре оказался перед дворцом Унегхана. Конь доставил седока прямо к привязанному коню супруги. Во дворце света не было, и ночной гость решил пешком обойти ограду в надежде найти какую-нибудь лазейку. Он внезапно остановился, наткнувшись на что-то живое. В полутьме пред ним предстала жуткая картина – полусонная Бортэ сидела голым задом на лице Попа Ивана.

– Ты что делаешь? – возмутился Чингиз, стаскивая жену с *насиженного места*, которая с трудом открыла только один глаз.

– Наказываю своего раба за невыполнение моего приказа, – спокойно пробормотала жена.

– А как наказать тебя за издевательство над человеком, едва не окончившееся его смертью? – поинтересовался муж.

– Делай со мной, что хочешь, – смиренно заявила Бортэ, – Ну *хоть выколи глаз*.

– Я не *садист*, – заявил Чингиз, – Отправляйся домой, а я подъеду после того, как приведу в чувство Лунга и отведу нашего друга в его дворец.

Инцидент закончился полной победой Чингиза, но оба супруга считали, что борьба за влияние на Попа Ивана на этом не закончилась. Не остался в стороне и виновник инцидента: раб невзлюбил свою госпожу. Он воспылал любовью к Чингисхану – своему избавителю от притеснений Бортэ. Кроме того Унегхан был благодарен ему и за *золотую цепь*.

Подарки Чингизу и князю Всеволоду

«Надо подыскать Чингисхану более достойную и более богатую жену, чем Бортэ» – решил про себя Поп Иван и предложил бывшим помощникам по поиску «живого товара» тряхнуть стариной и отыскать самую богатую девочку в Поднебесной. В 1206 году сделка состоялась, и во дворец Унегхана тайно была доставлена девочка. Молчаливый китаец, доставивший шестилетнюю девочку, промолвил *Баоо* (богатая) после получения

вознаграждения за свой труд. Слуги-тибетцы, присматривавшие за девочкой, решили, что Баоо – это имя малолетней невольницы и так к ней обращались. Шестилетняя девочка, была замкнутой и не отвечала на попытки установить с ней речевой контакт.

Коммерсант Унэгхан по своим каналам на Тибете искал встречи с людьми, ищущими пропавшего ребёнка. Встреча состоялась, и на ней люди Унэгхана заявили представителям родителей девочки:

– Искать девочку не надо. Она у Чингисхана и будет его второй женой. О дне свадьбы сообщим – тогда и приезжайте.

Имя Чингисхан (*Хан из династии Цин*) произвело такое впечатление на родителей девочки, что они выслали караван, гружённый подарками и драгоценностями в качестве приданого будущей невесты. Караван прибыл к юрте Чингиза к великому изумлению супругов. Хозяин каравана с почтением передал Чингизу письменное послание родителей девочки. Послание было написано на тибетском языке *уйгурским* письмом.

Подошла Бортэ:

– Откуда эти люди? Что делать с богатыми подарками? Что написано в послании?

– Начну с последнего вопроса. Я не понимаю о чем речь в письме, – сказал муж, развернув послание перед глазами жены, – Чтобы ответить на первый и второй вопросы, я поеду к Хиту, который лучше меня понимает *уйгурское письмо*. По возвращении я проинформирую тебя.

Караван, ведомый Чингизом, отправился к юрте Хита. Друзья совместными усилиями решили проблему, и Хит отправился в Хурэн, юридически оформить *попечительство* над уйгурской девочкой, а Чингиз повёл караван к Попу Ивану, где объявил, что Унэгхан не *похититель*, а *попечитель* девочки до достижения той восемнадцати лет, после чего она сама сможет определить свою судьбу. Попечителю надлежит всё добро уйгурки обратить в деньги, часть из которых предназначена на попечительство. Чингиз написал ответное послание родителям девочки на тибетском языке, используя уйгурское письмо. В послании дано было обоснование такого решения, а также подчёркивалось невмешательство Монголии в отношения уйгуров с Поднебесной.

Караван освободился от драгоценного груза и отправился в обратный путь, а Чингиз попросил попечителя Попа Ивана привести *заложницу* для беседы с ней. Девочку привели, но попытка ознакомить невольницу с её правами окончилась безрезультатно – девочка владела только уйгурским и китайским языками. Поп Иван по-своему воспринял понятие *попечитель* – у него появилась *дочь*. Появилась и мечта – выдать свою дочь за Чингисхана. Этой мечтой он делился с близкими людьми, а те поведали о ней своим потомкам.

Бортэ тоже проявила интерес к уйгурской девочке – Джучи был на 12 лет старше богатой невольницы, и о лучшей паре для своего сына Мария не могла и мечтать. Появилось желание – отстранить Попа Ивана от попечительства и самой стать попечительницей девочки.

Раб Поп Иван нужен был Марии не в Монголии, а во Владимире для служения её первому мужу Всеволоду Большое Гнездо. Сначала ей нужно было добиться решения суда об изоляции преступника Попа Ивана, а потом попросить Чингиза начать вывозить особо опасных преступников на Кавказ. А Попу Ивану построить персональную крепость - тюрьму во Владимирском княжестве. Просьба жены не противоречила новым порядкам, и Чингиз решил оказать содействие своей жене.

Чтобы подтолкнуть Унэгхана на противоправные действия, Бортэ заявила во дворец своего раба и в его присутствии на новом языке рассказала слугам Попа Ивана о законах, действующих за стенами дворца.

Таким образом, желание жить по новым порядкам проникло и во дворец. Двое слуг явились к хозяину с просьбой пересмотреть условия работы. Это было неслыханной дерзостью. Үнэгхан их выгнал, а охране приказал:

– Как только уйдут, *негодяи*, на достаточное расстояние, догнать и примерно наказать!

Но в момент отчёта начальника охраны о выполнении приказа, неожиданно во дворец ворвался Чингиз со своими людьми, которых оказалось гораздо больше, чем охранников хозяина, и они были вооружены.

– Ты переступил закон – самосуд запрещён. Убивать человека нельзя. Сейчас тебя доставят в тюрьму, где будешь находиться, пока не изменишь своего отношения к новому укладу.

В силу явного превосходства сил Чингиза, давать команды своей охране смысла не имело. Оставалось одно – защищать свою позицию:

– Я не выходил за рамки своих прав. Хлоп и раб за дерзость должен быть наказан!

– Эти понятия ушли в прошлое. Рабов и холопов нет.

– В моём доме есть! Я не знаю и не хочу знать ни нового языка, ни нового порядка. Здесь действуют настоящие законы, законы наших предков, законы Тибета.

– Я на *хурале* получил право, позволяющее мне менять порядок. Все должны следовать новым порядкам, и суд подтвердит это.

Судья прибыла вместе с людьми Чингиза и, молча, слушала перепалку между противниками. Доводы кончились, пошли обвинения. Они вцепились бы в горло друг друга, если б не было свидетелей. Старая женщина понимала, что она, и только она решает сейчас судьбу этих людей, и не только этих. Взвесив в уме всё, она заявила:

– **Буруулжээ** (Виновен был), – указала пальцем на Үнэгхана и удалилась.

Поп Иван опешил. Такого подвоха он не ожидал от человека, давно получавшего от него подарки. Вся его ненависть была теперь не к Чингизу, а к этой старушке:

– Какая неблагодарность! Предательство! Она получит нож в спину!

Но его слова и угрозы уже не наводили страх. Все знали, что вопрос решён. Үнэгхан сник, но не сдался: вопрос мщенья пришлось отложить. Он будничным голосом сделал необходимые распоряжения и под усиленным конвоем покинул свой дворец, и, как оказалось, – навсегда.

Спустя некоторое время Чингизу доложили, что Үнэгхан учит новый язык, его навещают – это не запрещалось – но некоторых своих слуг, он уговорил добровольно перевоспитаться, и они остаются в тюрьме с разрешения начальника тюрьмы. Что делать? Добром это не кончится.

Решением возникшей проблемы могло быть добровольное изгнание на определённых условиях. С этим предложением и прибыл Чингиз в Хара-Хорин.

– Что готовишь, заговор или гражданскую войну? – без положенного приветствия бросил реформатор, давая понять о конфиденциальности разговора и о его серьёзности.

– Ни то, ни другое. Собираемся, чтобы сообща решить, как нам быть и что нам делать – полусхотел парировал затворник.

– Лучше скажи, что мне с тобой делать? – принимая игру, спросил Чингиз.

– Я бы на твоём месте казнил меня, или отравил. Могу посоветовать хорошего специалиста по изготовлению снадобий, – продолжил в том же духе Үнэгхан, имея ввиду себя.

– Обойдусь без твоих специалистов. На Тибете изучал приготовление и ядов из **анара** и противоядий. Другие варианты? – гнул своё реформатор.

– А ты передвинь эту крепость подальше от своих владений, на край света. Ты же **царин** (возвышенный, значимый) – всё можешь.

– Не удачное слово: лучше **царын**, – поправил изобретатель языка. – И куда перенести замок. На Запад, на Север или на Восток?

– Я не учился на Тибете. Знаю только дорогу на юг. *Золотая* дорога! Ты опиши другие дороги, может какая и подойдёт, – Үнэгхан сделал первый шаг к компромиссу.

– Самая удобная дорога на север. Селенга – большая река. Сделаем плоты, сплавимся по ней до большого озера. Если повезёт с ветром, переправимся на другой берег, там вытекает река Ангара и впадает в ещё большую реку. Хорошие есть места.

– А если с ветром не повезёт?

– Об этом не надо думать – тогда повезёт, – посоветовал Чингиз, – На восток тоже есть хорошая дорога – река Онон. Впадает в большую реку. Та – в океан; побережье обжитое.

– И какой там народ?

– Всякие народы. Есть и дружелюбные, – уклончиво ответил реформатор, – На запад реки не текут. За Алтаем начинается кочевье кыпчаков. Язык сродни нашему старому. Тянется кочевье далеко. Что за ним? Кыпчаки рассказывают всякое: были и небылицы. Кочевники любят фантазировать.

– Я хочу посоветоваться, – заявил Үнэгхан.

– С кем?

– С Бортэ. Теперь я смогу говорить с ней на новом языке.

Чингиз передал эту просьбу своей жене. Та навестила Попа Ивана и передала ему котомку, в которой была *корона*, ветки анчара и шкура сиамского кота, безвременно почившего в отсутствии хозяина. Бортэ посоветовала бывшему напарнику согласиться с отселением на Запад.

При следующем посещении Чингизом, Үнэгхан заявил:

– Пусть будет Запад, хоть посмотрю, как там живут.

– Об этом и не мечтай. За пределы своей крепости не выходить, – потребовал реформатор.

Начался торг – спорили по каждой мелочи вокруг достигнутого согласия: «край света» в обмен на строительство там нового Хара - Хорина. Для строительства требовалась посылка специалистов, а также скота, в качестве оплаты рабочей силы.

Условия хоть и обременительные для обоих, но лучше, чем гражданская война.

– А чем ты будешь там заниматься? – поинтересовался Үнэгхан.

– Не твоего ума дело, – был ответ, означавший, что разговор окончен.

Вскоре последовал поход, описанный в Третьем очерке. Поп Иван был определен на временное проживание в безлюдном месте вне пределов татарского княжества. Он сразу же стал обживать новое место жительства.

Первый приказ, который Поп Иван дал своим слугам, как только отряд Чингиза скрылся за горизонтом, был – *замести* след. След был тщательно заметён песком на достаточно большом расстоянии от убежища Попа Ивана, и Поп Иван объявил об окончании похода. Он дал распоряжение стать лагерем, выставить охрану и обживать Сайхин, не высовываясь, то есть далеко не отъезжая. Обживать означало для одних выпас имеющегося скота, а для других – изготовление необходимого числа строительных блоков по отлаженной технологии из глины, сухой травы и верблюжьего помёта с последующим строительством.

1. Сайхинский мечтатель

Так закончилось изгнание человека, способного противостоять невзгодам, умеющего лавировать и плести интриги, пользовавшегося непререкаемым авторитетом. Он как магнит притягивал к себе людей, разбирался в их психологии и мог умело использовать каждого во благо, разумеется, не только своего. Где находился он, там был центр политических интриг, всего того, чему название «информационная война». В нём был талант выдающегося общественного деятеля. Его боялись, и обожали.

«А теперь?» – Үнэгхан задумался – «Крах. В чём ошибка приведшая, к потере почти всех достигнутых успехов? Как смог растоптать меня человек, не представлявший реальной опасности? С помощью чего он подчинил себе ум кочевников? Каким оружием я сражён? Почему мои люди не разгадали суть реформы и не заметили вовремя опасности?»

«Вопросов много. Ответ один – язык. Не слова конечно, а тот смысл, который вложил Чингисхан в некоторые из них. Этот язык позволил ему настроить людей против меня. Открыто велась агитация, а мои люди даже не догадывались. И какой хитрец! Явился ко мне с предложением начать учить новый язык».

«Моя прислуга обсуждала все новшества при мне. А некоторые, обнаглели до того, что обвинили меня в жадности, – я им мало даю! Хотят получать деньги – еды им мало. Получили! А что прикажите делать, если прислуга начинает командовать».

«А сейчас? Может организовать убийство Чингисхана? Яд у меня есть, а где гарантия, что не появятся другие Чингисханы. Его идеи – это зараза. Воевать с его реформами опасно – сам заразишься. Только карантин, дискредитация и забвение! Не я, – а он, его народ, его кочевье должны быть изолированы от общества людей, от всех цивилизованных государств».

«Он ничем не лучше своей деспотичной жены. Они решили моими руками загребать жар из костра – не выйдет. Я найду себе помощников, которые помогут мне занять достойное место в обществе, а я помогу им стать правителями в своих землях».

«Сначала придумаю простую и понятную легенду, которая объяснит сложившуюся ситуацию в мою пользу. Потом надо постараться, чтобы этой легендой люди заменили кусок истории, которого могло и не быть! Итак»:

«Жестокий и коварный Чингисхан вылез из низов, хитростью захватил власть у знатного и благородного человека, заточил меня в пустыне и шантажирует: хочет жениться на моей дочери, чтобы сравняться со мной в знати. Конечно, он сейчас староват для этой роли, но лет десять назад вполне мог бы; округлю для лучшего запоминания – здесь я с 1200 г. Строить замок буду для него – это его условие для заключения мира».

«Завтра об этом узнают мои люди, – потом весь мир. Узнает и Чингисхан!»

«Интересно будет посмотреть на Чингисхана, когда он узнает об этом! А для этого не надо его убивать, – смилостивился Поп Иван, – я дам ему шанс перевоспитаться».

«Язык труднее изолировать. Надо создать новый, более лучший, чем язык реформатора. Главное, чтобы значения слов в них были иными, правильными. Где бы найти такого человека, которому это будет под силу? Может сын Бортэ?»

«Чингисхан держал меня в крепости в верховьях реки Орхон. Я построю ему замок в верховьях великой русской реки. Буду изыскивать средства, должен и Чингисхан помочь. После постройки замка мы заключим мир. Будет грандиозный пир».

2. Похищение Золотого Царя

После того как всё необходимое было построено, в том числе и тайные убежища-землянки, в которых можно было спрятаться в случае опасности, Үнэгхан собрал круг доверенных слуг и заявил, развивая принятую легенду:

– Чингисхан перешёл всякие границы в своих домогательствах. Придётся для него построить дворец, но я не могу найти подходящего места – он сменил нам место заточения, и теперь я не знаю ничего за пределами нашего лагеря. Надо узнать, куда он нас завёз, кто здесь обитает, что творится в здешнем мире.

– Мне нужен человек, который всё это знает – подытожил он

– Это должен знать хозяин того дворца, который мы видели при переправе через реку, – высказался один из слушателей.

– Я хочу побеседовать с кем-нибудь из его окружения, и лучше всего с сыном, если он есть. Хочу принять его на службу.

– Сделаем. А как к Вам теперь обращаться?

– Хан, – позаимствовал он у заключённых прозвище начальника тюрьмы, – Вы должны говорить мне: – *Ханаа*.

– Возможно, пока мы обживали место, Чингисхан послал своих людей подарить хозяину дворца моего любимого *чёрного коня*. Его я дарил Чингисхану не для того, чтобы он отдавал другим. Если это так, поймать всех и доставить в тайное убежище, – подсказал идею Поп Иван, остальное зависело от умения исполнителя.

– Даю неделю. Двигайтесь окольным путём.

– Само собой, Ханаа.

Прошло несколько дней, и к татарскому князю явился незнакомец, который хотел передать князю важную информацию, но наедине. Убедившись в отсутствии оружия, его допустили к хозяину дома.

– Я доверенное лицо Чингисхана, представился он. Мой хозяин, покидая Вашу гостеприимную землю решил Вас отблагодарить.

– Он подарил Вам коня. Но когда я начал пересекать пустыню в обратном направлении, выскочило трое разбойников, и отобрали твоего коня. Я по следам выследил, где они его спрятали, но мне нужен помощник. Дай мне помощника – мы вдвоём справимся. Больше не надо. Много людей – много шума. Послезавтра утром отправь кого-нибудь из близких тебе людей на ту сторону реки. Если коня уже нет, вернётся твой человек один. Если увидит за нами погоню – успеет переправиться. Место открытое – далеко видно. Ближнему тебе человеку брать людей не надо – разбойники при их виде скроются, а потом отомстят и мне и Вам. А сейчас дай мне человека и заметь направление, куда мы ускачем – оттуда и появимся.

С незнакомцем поехал слуга сына татарского князя и помог незнакомцу выкрасть чёрного коня. Через день они вернулись на берег реки Урал, где за ними наблюдал сын князя, готовый в любую минуту сесть в лодку и отчалить, если ситуация будет тревожной. Всё произошло по наилучшему варианту, и сын князя вышел из укрытия. Но когда он сел на чёрного коня, то со спины, со стороны реки внезапно появилось полдюжины вооружённых всадников:

– Всем скакать за мной. Мне приказано доставить вас или ваши головы.

– Куда? – оторопело воскликнул молодой человек.

– К хану, нашему господину, – последовал ответ. – Отстающим рубить голову без предупреждения! – это был уже приказ всадникам, замыкающим отряд.

Кружным путём, путая следы, два пленника были доставлены на разные тайные убежища. Поп Иван в кругу приближённых уже ждал заложника в одном из них:

– Ты попал в плохую историю парень. Всё что говорил доверенный Чингисхана – неправда. Чёрный конь – мой конь. Хитрый Чингисхан решил поссорить меня с твоим отцом. Лазутчика, из-за которого ты пострадал, я велел казнить.

Снаружи слышались мольбы о пощаде, потом резко оборвались.

– Тебе придётся выбирать, кому служить: мне, а я, как уже говорил, милостив и великодушен – или Чингисхану, но тогда ты становишься вором, и я поступлю с тобой так, как у вас поступают с ворами. Подумай хорошенько – ответ скажешь утром.

Все ушли, оставив пленника наедине с тяжёлым предчувствием. Через некоторое время он забарабанил в крышку люка. Появился охранник.

– **Ус** (волосы), – попросил пленник, и охранник непроизвольно взглянул на волосы.

– **Ус** (воды), – поправился заложник.

Принесли родниковой воды. Пленник попробовал её и выплюнул:

– **Муу** (плохая, противная), – пленник явно понимал по-монгольски.

Утром у Попа Ивана появится первый помощник, который прослужит ему верой и правдой до самой смерти великого комбинатора.

Эта история не должна была дойти до нас, так как никто из её участников не был заинтересован в её обнаружении. Все добровольно держали её в тайне. Тайну унесли с собой в могилу все, кроме одного, рассказавшего её своему другу по секрету. Тайна переходила ещё два раза от одного человека к другому, крепко держась в памяти каждого из них. История обросла правками, и была опубликована в книге Марко Поло, как *История похищения Золотого Царя*.

– И как у вас поступают с ворами? – приветствовал утром Поп Иван своего пленника, готовый выполнить своё обещание, но не знавший татарских порядков.

– Так же, как и с теми, кто не держит слова, – последовал ответ.

«Да» – подумал Поп Иван, удивляясь особенности татар держать слово – «А у нас три года можно ждать обещанного, и не дожидаться».

– Но ты волен поступать со мною, по своему усмотрению, – продолжал заложник, подводя итог ночным раздумьям, и не желая обсуждать предложенную тему. Я твой слуга, а ты мой господин. Всё что у меня есть – всё твоё.

– Где Чингисхан, и чем он занят? – неожиданно спросил Үнэгхан. От ответа на этот вопрос зависела судьба пленника.

– Он два месяца назад покинул посёлок Мухор, переправился через реку Волга, или по старому Итиль, и строит много посёлков в сухой степи. Там работают и татары, – давая понять, откуда исходят эти сведения, сказал пленник, и добавил:

– Чингисхан в неделе пути отсюда, мой господин.

«Тебе повезло, парень» – подумал Хан. При недостатке времени предполагался неприятный для заложника сценарий.

– Много монголов в Мухоре?

– Осталось не более десятой части. Но Джучи, сын Чингисхана, гостит у моего отца. Думаю, что он уже послал весть о моём исчезновении своему отцу. Через две недели могут появиться здесь гости. Я знаю, где мы находимся: такая вода, которую вчера мне дали, есть только в этом месте, – и пленник выложил информацию наперёд, намекая, на сценарий с выкупом заложника:

– Я – Субдэй, старший сын татарского князя, на год младше Джучи, женат и у меня уже трёхлетний сын. Я подружился с Джучи, и мы обучаем друг друга своим языкам, знаю

несколько слов из языка его отца. Джучи мало рассказывал мне о вас. Моему отцу – ничего.

– Встретить посланника Чингисхана мой отец попросил сначала Джучи, но тот отказался, поскольку не хотел ставить своего отца в известность о своих поездках к татарам. Парню скучно в маленькой монгольской компании взрослых людей, и он стал своевольничать, как только тот уехал.

– Ты можешь через другого пленника передать свои условия, – продолжал Субдэй, – Получишь выкуп, но не сможешь спрятаться и скрыться, без моей помощи. Вы пришли издалека и не знаете этих мест. Но, если я вам помогу, то с приездом Чингиза всё раскроется, и меня и вас ждёт суровое наказание.

– Мой господин, откажись от выкупа, и я уйду сейчас с вами. Я буду служить тебе беспрекословно, – заложник замолчал, ожидая своей участи.

Поп Иван предполагал многое, но не такое. Наступило тягостное молчание. Было сказано много нового, и Попу Ивану требовалось время для переработки всего услышанного, исходя из принятой Легенды. Заложник истолковал паузу по-своему:

– Мой господин, пусть мой слуга, которого ты отпустишь, передаст моей жене, что она меня больше не увидит. Пусть возьмёт в мужья моего монгольского друга Джучи. Он мне заменяет старшего брата. А по нашим законам, старшему брату, если он холостой, переходит жена младшего брата в случае его пропажи.

– Сам всё скажешь своему спутнику. Я с трудом понимаю, что ты говоришь, а говорить по-татарски я не могу. Сегодня последний день общения через кыпчакский язык. К следующему разговору, который состоится после твоего возвращения сюда, тебе надо в совершенстве владеть особым языком, – спокойно заговорил Поп Иван и сообщил свою трактовку, основанную на Легенде.

– Всё не так. Сын Чингисхана навещает татар по заданию отца, хитрого и коварного. Ему захотелось прибрать ваше княжество с помощью своего сына, и он этого добьётся, поверь мне. Не надо ему мешать. Пока не построю ему дворец, он будет строить козни, – и Поп Иван поведал о домогательствах Чингисхана, о строительстве дворца на краю света и о последующем примирении с тираном.

– Ты решил мне служить. Я беру тебя на службу. В дворец твоего отца я тебя пока не пошлю. У меня другие планы. Чингисхан заточил меня в ваших краях, о которых я раньше не слышал. Расскажи всё, что знаешь об окружающих народах и государствах. Не спеша, подробно – у нас есть время.

К концу дня у Хана было гораздо больше сведений о районе Земли, в котором они оказались, чем знал, но не поделился с ним, его притеснитель. Затем стал говорить Поп Иван:

– Чингисхан нас держал в крепости в верховьях реки Орхон. Я построю ему замок в верховьях реки Волга. Буду изыскивать средства, должен и Чингисхан помочь. После постройки замка мы заключим мир. Будет грандиозный пир.

– Завтра мой татарский вассал поедет в верховья Великой реки и приведёт с собой оттуда второго помощника, старшего сына князя Всеволода – мне нужен свой человек до того, как начнётся строительство замка. Татарскому вассалу даю титул *Золотой Царь*.

– Благодарю, мой господин, – промолвил бывший заложник, не веря своим ушам.

– Для *Золотого Царя*, я не господин, а Хан. Обращаться ко мне – *Ханаа*.

– Благодарю, Ханаа.

– В твоё подчинение поступает четыре моих человека, – он назвал имена. – Они помогут тебе, *Золотой Царь*, составить схему пути и подробное описание мест по Волге,

обучат новому языку тебя, и славянского помощника. На другом языке я разговаривать не буду. На выполнение задания даю тебе четыре месяца.

– Будет исполнено, Ханаа, – с татарской решимостью заявил молодой Золотой Царь Субдэй, – почувствовав *золотой* изгиб в своей судьбе.

– По такому случаю объявляется пир. Пока готовят мясо для пира и для поездки, проводите *Золотого Царя* к его татарскому слуге. Пусть слуга передаст татарскому князю: «За Субдэем приехали из далёкого славянского города. Пригласили в гости. Он уехал один и вернётся через четыре месяца». Остальное говорить по своему усмотрению.

Добравшись до хазар, путешественники смогли получить сведения о Владимиро-Суздальском княжестве, где правил Великий князь Всеволод Большое Гнездо. Ему было 57 лет, и он имел 8 сыновей. Выбор пал на одного из них по имени Борис. Почему на него? Поп Иван наказывал, что нужен сын Великого князя, брошенный матерью, близкий по возрасту Субдэю и с именем, понятным для человека, владеющего особым языком. Если двумя первыми признаками трудно было воспользоваться Субдэю, то решающим стал третий. Имя *Борис* можно трактовать, как образованное от слова **бор** (серый, бурый, невзрачный). Что может означать **борис**, Субдэй не задумывался – не настолько он был силён в монгольской грамматике.

«Все признаки налицо, а там пусть шеф разбирается» – решил Субдэй.

К прибытию в Сайхин, Борис в знании монгольского языка обошёл своего татарского напарника, но не в понимании хитросплетений их шефа.

3. Анчар

Пока Субдэй, сын татарского князя, совершал Волжский поход, в Сарай Шыке произошли интригующие события. Сначала всех взволновало исчезновение сына князя, потом выяснилось, что его пригласили славяне для решения каких-то проблем. Раньше о славянах редко кто слышал. Многие полагали, что сына князя славяне увели силой. Но прибыли с Солёного озера посыльные и сообщили, что Субдэй посетил озеро, нанял четырёх кыпчаков, и те добывали для него соль. Соль якобы нужна ему для подарков славянскому князю. Субдэй просил передать, что подтверждает слова своего слуги и вернётся в срок – через четыре месяца.

Никого из посторонних на озере не было замечено, и посыльный предположил, что славяне отправились на Волгу, чтобы потом подняться по реке.

Татарский князь сразу послал отряд воинов, желая силой вернуть своего сына и наказать за самоуправство. Но отряд опоздал – сын князя скрылся в неизвестном направлении.

Дошли интригующие новости и до Чингиза. Первое, что пришло ему в голову, была мысль о причастности Үнэгхана к этим интригам. Следовало выяснить обстановку в Сайхине, и Чингиз дал задание начальнику строителей установить, все ли узники на месте и не прячут ли они где-нибудь сына татарского князя.

Поп Иван встретил приветливо посланцев Чингиза, выстроил всех своих людей как на приёме и сам сообщил тревожную новость:

– Меня покинули четыре бывших соратника. Ушли тайно. Не выдержали испытаний. Я бы сообщил своевременно об их побеге Чингис-Хану, но мне запрещено отсюда отлучаться. Да и опасно. Теперь я боюсь беглецов – они могут отомстить мне за все свои

лишения. Ночую в одном из двух тайников, – пожаловался Поп Иван и показал всё, что могло заинтересовать гостей.

Чингиз предположил худший вариант: Үнэгхан в нарушение договорённости: собирается отправить или уже отправил четырёх своих людей в покинутый им дворец. Возглавляемые Бортэ они представляли реальную угрозу новым порядкам.

Поэтому всё строительство было остановлено, а строители в организованном порядке были переброшены в посёлок Бисен для поиска четырёх беглецов или их следов.

Навещать Попа Ивана Чингиз не стал – видеть его он не горел желанием, да и обещал с ним больше не разговаривать. Послал только строителя с информацией о том, что принимаются меры к поиску беглецов, а для полного успокоения бывшего соратника по коалиции передал партию баранов.

Сам же, взяв с собой надёжных людей, помчался в Мухор, опорный пункт на созданной им трансконтинентальной дороге, в котором должен был находиться его сын.

– Где Джучил? – спросил Чингиз у бригадира строителей.

– В Сарай Шыке. Он больше находится там, чем здесь. Сюда навевается редко, разве чтоб узнать, когда отец кончит свои дела и вернётся в Мухор перед возвращением на родину.

В предчувствии беды, реформатор, не делая отдыха, без сопровождения, поспешил в Сарай Шык, во дворец татарского князя.

– Что делает здесь мой сын? – был его первый вопрос по-кыпчакски.

– У меня тоже беда с моим сыном, – ответил татарский князь, – Я с трудом понимаю тебя. Чтобы лучше друг друга понимать, давай пригласим сюда твоего сына Джучи – он понимает немного по-татарски. Скрывать от него мне нечего.

Пригласили Джучи, и тот стал переводить слова князя:

– У меня увели сына. Один из шайки похитителей представился твоим посыльным. Посыльный был похож на твоих людей и плохо владел кыпчакским языком. Он попросил меня послать кого-нибудь на ту сторону реки получить коня, твой подарок. Я предложил твоему сыну, но он отказался.

– Послал своего сына, и на моих глазах его окружили вооружённые люди. Мой сын ускакал вместе с ними. Потом сын передал со слугой устное сообщение о каких-то договорённостях с какими-то славянами. Я славян никогда не видел и никаких поручений сыну не давал. Верить всему этому мне трудно, как и тому, что его отпустят через четыре месяца.

– Приведите слугу моего сына – пусть он ещё раз скажет, когда отпустят моего сына.

Пришёл слуга и сказал в очередной раз:

– Субдэй обещал вернуться через четыре месяца.

– И хотя я хорошо отношусь к твоему сыну – он друг моего сына, – но решил оставить его у себя, пока не вернётся мой сын и не объяснит мне свои действия.

– Твои тревоги не беспочвенны, – Джучи стал переводить слова своего отца, – На той стороне пустыни, у горьких источников находится колония преступников. Её охраняют мои люди. Я не сообщаю о ней никому, чтобы не пугать людей. Но недавно оттуда сбежало четыре преступника – они опасны. Сейчас мои люди ведут их поиск.

– Давай подождём четыре месяца; может, вернётся твой сын, – предложил Чингиз.

– Четыре месяца моё сердце не выдержит. Обещаю молчать месяц. Через месяц колонии не будет, – отрезал князь.

– Этого я не слышал, – спокойно сказал Чингиз, – а моего сына отпусти со мной.

– К нему теперь у меня претензий нет – он свободен, – сказал татарский князь.

Но Джучил не стал переводить слова князя. Вместо этого сын сказал отцу:

– Никуда я с тобой не пойду. Я остаюсь, пока не вернётся мой друг.

– Давай попрощаемся, – предложил отец.

– *Баярта* (С радостью), – ответил сын.

– Прощаться надо в степи, – напомнил отец. А что за красавица, которая так часто заглядывает в дверь, уж не зазноба? – поинтересовался отец.

– Жена друга, – коротко объяснил сын, – давай провожу.

Ему не хотелось продолжать этот разговор при свидетелях. Да и лучше показать всем, что ничего особенного не произошло.

– Зачем, ты выдал лагерь Үнэгхана? Зачем рассказал о побеге? Может, его и не было. Чтобы меня отпустили? – первым заговорил сын, – Теперь князь расправится со слугой друга, потом с Попом Иваном и с его слугами. И всё по твоей вине.

– Как ты думаешь, где сейчас твой друг? – не отвечая на заданные вопросы, спросил отец, – у Үнэгхана или у славян?

– Оба предположения равноправны. Славян никто не видел – а лагерь Үнэгхана никто не обыскивал.

– У меня больше информации. Первое: Славяне работают на строительстве дальних посёлков. Строители говорят о славянах: «Вороватые, но доброжелательные, как мы»; второе: лагерь Үнэгхана только что осмотрели, по моему распоряжению. Там два тайника, разумеется, пустых.

– Теперь отвечаю на твои вопросы. Люди князя, которые ищут твоего друга, скоро обнаружат лагерь Попа Ивана, а может уже обнаружили, и едут к князю доложить о лагере. Просто я оказался проворнее их.

– И побег был – о нём заявил Үнэгхан, – подытожил отец.

– Слугу наказывать нет смысла. Князю нужен живой сын. Думаю, что через слугу князь передаст свой ультиматум, и в течение месяца как-то решится вопрос с твоим другом.

– У меня к тебе серьёзный вопрос. Беглецы могут пробраться в область Манги (современная Монголия) по секретной дороге. Ею уже можно пользоваться, но никто не знает как. Никто не знает и где находится последняя юрта, кроме нас двоих. А твой друг? – задал Чингиз, мучивший его вопрос.

– Нет, – просто ответил сын.

– Теперь я спокоен. Завтра строителей отправлю по своим местам. Здесь обойдутся без нас, – заключил отец и продолжил, – Ты взрослый человек и можешь сам решать, где быть и с кем жить – на работу я тебя не нанимал. Едешь со мной?

– Нет. Здесь много красоток. Может, из них какая и клюнет, – явно с облегчением заявил сын, – А если мой друг всё-таки у славян?

– Для твоего друга это безопасно. Вернётся через четыре месяца и скорее всего не один, – Чингиз задумался, – А князь постарается через месяц уничтожить Үнэгхана – его ничто не остановит. Но Попа Ивана одолеть не так-то легко. Право на самооборону я признаю, и вмешиваться не буду. Тебе тоже не советую.

События развивались по последнему сценарию. Князь, как и предполагал Чингиз, послал слугу передать ультиматум преступникам, чтобы те не удерживали его сына и отпустили Субдэя за выкуп в течение месяца, а иначе полное уничтожение всех в лагере. Татарский князь сначала поговорил со слугой наедине, а потом на людях послал слугу к горьким источникам собрать любимой князем травы для заварки чая – от окружения секретные дела принято скрывать.

Слуга был замечен людьми Попа Ивана и доставлен к нему. Үнэгхан приказал всем удалиться, и разговор состоялся наедине. Слуга рассказал, кто его послал и зачем, и что он должен сообщить лично Үнэгхану. Поп Иван вызвал охранника и отдал распоряжение на монгольском языке:

– В мешочек с собранной травой добавить ядовитых веточек с ягодой.

Охранник вернулся и сказал по-кыпчакски:

– Никого вблизи нет. Можно покинуть тайник.

Татарин вышел, ему подали коня, и он его осмотрел. Всё было на месте: в том числе и мешочек с собранной травой. Слуга сел на коня и не спеша, отправился в неблизкий путь.

Поп Иван собрал совет, чтобы решить, как ответить на ультиматум. Обсуждение было бурным. Все понимали, что выполнить ультиматум невозможно и предлагали разные, но ненадёжные способы защиты.

– Всё гораздо проще, – заявил Үнэгхан, – Смогу ли я уговорить свою дочь выйти за тирана, если нас уничтожит татарский князь? Конечно, нет. Так что Чингисхану деваться некуда – придётся замарать ручки, если хочет добиться своей цели. У него есть месяц, чтобы это сделать – мы ему помогать не будем.

Не прошло и недели после объявления ультиматума, как татарский князь заболел. Его лечили лучшие знахари, но болезнь не отступала. Князь собрал окружение, чтобы огласить завещание.

– Всё что есть, включая солевое озеро, завещаю старшему сыну, – сказал князь твёрдо.

– Но его здесь нет. Он не может принять щедрый дар, – подал голос кто-то из сыновей.

– До его появления всем княжеством и озером распоряжается друг моего сына – Джучи, – князь по достоинству оценил благородный поступок побратима сына.

– А что делать, если наш любимый брат не появится в срок?

Князь задумался. Стал осматривать всех собравшихся, перебирая и продумывая всевозможные варианты. Все затаили дыхание:

– Если сын не вернётся, то Джучи, когда поймёт, что ждать моего сына бесполезно, пусть выберет самого достойного из вас. Я ему доверяю. Княжество делить не разрешаю. Озеро находится за пределами княжества. Его получает Джучи. Пусть попробует свои хозяйственные способности. Если поймёт, что это ему не под силу, то может озеро предложить своему отцу. Тот хороший хозяин.

Завещание было неожиданным и многим оно не понравилось, хотя все понимали важность его для княжества. Деление на куски привело бы к утрате государственности. Даже с озером явно был неплохой вариант: Чингиз строил посёлки и к нему на работу с охотой нанимались люди. Наёмный труд с заключением договора был для татар, да и не только для них, в диковинку.

Были попытки повлиять на князя с целью пересмотра, хотя бы частично, завещания, но болезнь прогрессировала, и за две недели до истечения срока ультиматума князь скончался. Злые языки говорили, что князя отравили – тело его почернело после смерти. Но другие дали этому иное объяснение – за грехи.

Перенесёмся сейчас в Сайхин, где Үнэгхан встречал своего второго помощника. Уплетая за обе щёки все кушанья, которые ему предложили, Борис отвечал подробно на все вопросы Попа Ивана. Молодой Борис производил хорошее впечатление. Это было как раз то, что требовалось. Прекрасное владение монгольским языком и готовность к сотрудничеству.

«Языком он может поразить Чингисхана и усыпить его природную подозрительность» – подумал Үнэгхан.

Поразило Попа Ивана и желание Бориса служить высокой идее без оглядки на сиюминутную выгоду. Помощник согласился работать над созданием нового языка для славян, более лучшего, чем их старый или монгольский. Его не испугало замечание, что это сопряжено с риском для жизни. Людей не боящихся рисковать, Үнэгхан ценил – сам был такой.

– Кого бы предложить на роль царя для славян, когда я помирюсь с Чингисханом? – спросил Поп Иван.

По Легенде он строит Чингисхану замок типа Хара-Хорин, выдаёт за него свою дочь, давая за ней всё, чем обладает. Эта добавка к приобретениям (завоеваниям) Чингисхана делает его обладателем самой большой империи на Земле. Справедливый, но необразованный Чингисхан понимает, что он стар для такой империи и раздаёт земли своим друзьям, естественно, по рекомендации Попа Ивана.

– Моего брата Юрия Всеволодовича, – предлагать себя, у славян было не принято.

– Ну что ж, тогда за дело. Тебя я беру на должность доверенного лица. Ты будешь самым приближённым ко мне человеком. После мира с Чингисханом получишь от него любой титул, какой только тебе понравится.

– Согласен, Ханаа, – сказал Борис, вживаясь в новую роль.

– Будем решать задачи по порядку. Сейчас надо убедить Чингисхана в строительстве дворца в верховьях Волги. Для этого ты должен подучиться монгольскому языку у Джучи, сына самого Чингисхана.

– Золотому Царю присвой от моего имени титул «Хан», его жена становится Ханшей, а княжество ханством. У тебя титул есть – **Борис**, надеюсь, ты хорошо знаешь монгольский язык. Пусть Субдэй-Хан организует соответствующую церемонию. Праздновать не более недели. Тебе много не пить. Занимайся с Джучи монгольским языком и расспроси его о правилах поведения – не ударь в грязь лицом перед Чингисханом. К нему поезжай вместе с Джучи – сын представит тебя своему отцу.

– Когда всё будет выполнено, загляни тайно сюда под предлогом покупки подарков для своего отца и братьев. Я подготовлю мешок и в него положу царский подарок для твоего брата Юрия. Сам везти дорогой подарок не могу – её отнимут подручные Чингисхана.

– У тебя есть деньги на покупку подарков?

– У нас на деньги рыба не клюёт, – пошутил Борис, намекая на обстоятельства своего пленения – для рыбалки нужны черви.

– А на это? – и Поп Иван подал ему сломанное золотое кольцо.

Үнэгхан не был расточительным, и золотое кольцо он вручил Борису не за красивые глаза. Раз Борис не назвал своего отца объединителем русских княжеств, значит отец – преграда на пути своих сыновей, а преграды надо убирать, убирать тайно и не своими руками. С татарским князем удалось легко справиться – настала очередь князя Всеволода.

20 марта 1212 года пропавший Борис подъехал к Владимиру в сопровождении группы чужестранцев. Увидев город, Борис остановил коня. Подъехали сопровождающие.

– Это мой город Владимир. Всем ехать нельзя – пойду я один. А вы ровно через неделю подъезжайте к дворцу князя и покричите меня. Если появится кто-нибудь, а не я, то уезжайте отсюда, пока *целы*.

– **Яагаад, Борисхаа** (мой Борис, почему?) – удивлённо спросил Поп Иван.

– Отец строг и всё решает сам. Мой рассказ он выслушает, но подумает, что я всё выдумал. Просто сбежал из дома, а теперь вернулся, не найдя лучшей доли, – ответил Борис.

– А ты покажи нас. Мы не похожи на славян, – предложил кто-то.

– Ну и что. Ему нужно знать правду – и только от меня. Он увидит вас и решит, что можно заставить меня не выдумывать сказки: надо только отрубить вам головы.

– Так что, я иду один. Отец крутой, но отходчив и своих детей любит. Думаю, что у нас всё получится. Вы приедете вместе с моим конём, а я выйду к вам, отвяжу, наконец, этот мешок и передам его на сохранение.

Никто не ожидал появления Бориса. Братья и сёстры сбежались посмотреть на вернувшегося беглеца.

– Тебя все считают пропавшим, – приветствовал четырнадцатилетний Иван.

– Не чаяли уж и живым увидеть, – смягчила тон встречи одна из сестёр.

– Отец вычеркнул тебя из своей жизни, – сообщил приятную новость старший брат.

– Не до жиру – быть бы живу, – смиренно ответил Борис, направляясь в комнату отца.

– Явился. Не запылится? – в ответ на: «Здравствуй, батюшка», молвил сурово отец.

– Сейчас пойдёшь мыться и приводить себя в человеческий вид – зарос. Завтра расскажешь свои басни при всех. Я тоже послушаю. Неделю из дому ни ногой – будешь помогать женщинам, – выдал самое лёгкое наказание отец, – Подумаю куда тебя, блудливого кота, пристроить. Ступай! Потом поговорим.

– Легко отделался, – сообщил Борис столпившимся у двери братьям, и на его лице появилась улыбка – завтра услышите басню.

Басня соответствовала версии воровства Борисом огромного количества соли:

– Плыли долго на лодке, потом ехали на конях – у чужестранцев было достаточно соли для покупки коней – через пески и горы и прибыли в страну, где правит жестокий и хитрый, но щедрый и справедливый Чингисхан. Меня представили одному из приближённых Чингисхана – благородному и знатному Господину. Все его так и величают. Только Чингисхан обращается к нему по иному – Господин *Лис*. Господин не только простил меня за кражу соли, но и предложил перейти к нему на службу. Теперь я обращаюсь к нему Мой Господин, разумеется, на его языке. Нашего языка там никто не понимает.

– Служба заключается в помощи Господину противостоять домогательствам Чингисхана. История их взаимоотношений вкратце такова, – и Борис повторил слово в слово кусок Легенды, который услышит и запишет Марко Поло. Этот кусок приводится ниже без существенных изменений.

«Чингисхан выходец из простого народа, из челяди, грубый и неотёсанный, хитростью захватил власть, сослал Господина в пустыню и присвоил себе титул *царь*, который означает император».

«А недавно послал он своих послов к Господину, и было то в 1200 г., наказывал он ему, что хочет взять себе в жены его дочь. Услышал Господин, что Чингисхан сватает его дочь, и разгневался».

«Каково бесстыдство Чингисхана! – стал он говорить. – Дочь мою сватает! Иль не знает, что он мой челядинец и раб?! Идите к нему назад и скажите, сожгу дочь, да не выдам за него; скажите ему от меня, что следовало бы его как предателя и изменника своему государю смертью казнить!»

«Говорил он потом послам, чтобы они уходили и никогда не возвращались. Выслушали это послы и тотчас же ушли».

– Прошло 10 лет после тех событий, – стал вносить Борис свой вклад в Легенду, – Чингисхану сейчас 60 и сватовство, похоже, его перестало волновать. Недавно были послы и сообщили, что через год, Чингисхан сам приедет для обсуждения условия снятия

опалы. Этим условием будет строительство *крема*, под присмотром кого-нибудь из приближённых Чингисхана, скорее всего *Кита*. Сражаться Чингисхан умеет, а вот руководить стройкой – нет. Куда ему, неотёсанному. А Господин великодушен и отходчив. Да и жизнь в пустыне не сладкая.

– И послал меня Мой Господин с поручением узнать у Великого князя, не найдётся ли, где-нибудь, в глуши, укромное место, где можно бы разрешить ему строить крем, *кремль* по ихнему, для хитрого и сильного ещё, но уже состарившегося, тирана. Через полгода, если у князя нет возражения, я приеду снова и приглашу князя на встречу с Чингисханом, для обсуждения всех вопросов. Чингисхан, правда, не понимает наш язык, но я понимаю его язык. Я буду переводчиком.

– Мне надо возвращаться – через неделю за мной придут мои слуги, – закончил Борис свою басню.

– Зачем ты слуг своих бросил где-то. Привёл бы, – со смехом спросил Константин.

– Не хочу, чтобы они своим чумазым видом поганили наш дом – увидите в окно. Они привезут мешок с моим заработком. Я выйду и принесу мешок на сохраненье.

– А что в мешке? – спросил младший брат.

– В мешке кот, – серьёзно ответил Борис.

Это было слишком. Все хохотали до слёз.

– Позабавил, – засмеялся даже отец, – ну как на тебя сердиться!

Через 5 дней отец вызвал к себе Бориса:

– Завтра кончится твоё наказание. Давай поговорим серьёзно. Тебе 25 лет и пора решать, чем заняться. Если есть у тебя предложения с хорошими намерениями – я их выслушаю и постараюсь выполнить.

– Отец, у меня есть предложение с хорошими намерениями. Я его высказал 5 дней назад. Могу повторить.

– Зачем? О твоей побасёнке знает каждая собака во Владимире. В ней всё выдумки, кроме дохлого кота в мешке, – привыкший к проказам Бориса заявил отец.

– Нет. Дохлый кот – это выдумка, а остальное – правда.

– Ладно. Предположим. Ты, мой сын, хочешь служить какому-то чужестранцу?

– Я обещал. Сын князя должен держать слово.

– Ты откажешься от Киева? – спросил жёстко отец.

– Отказываться от наследства мне не пристало. Но если будет твоя воля, то я свою долю передаю своему любимому брату Юрию, и пусть он, а не Константин, будет объединителем славянских княжеств, – предложил Борис, недолголюбивавший старшего брата.

– И не подумаю. А с какой стати без положенных подношений я должен что-то обещать твоему господину?

– Приеду через год – привезу подношения.

– С этого и начал бы. Будут подношения – будет разговор.

– Поговорили. Теперь слушай. Завтра ты, похоже, будешь *ломать комедию*. Посмотрю и я. Похоже, ты снова собираешься бродяжничать. Знай, что моему терпению пришёл конец. Если снова уедешь – ты с той минуты для меня умрёшь. Запомни: без тебя Киев мне не нужен. Моё слово твёрдое.

На другой день все собрались в ожидании обещанного представления. Борис отвечал на вопросы. Спросили, какую должность он занимает у этого самого Господина.

– Пока работаю *нарочным*, то есть посыльным. На расстоянии, как от Новгорода до Владимира, живёт монгольский князь. Хотя у того большие владения и много людей, но он

подчиняется Господину. Я передаю князю устные распоряжения – Мой Господин мне доверяет.

На вопрос, почему не будет приглашать гостей в дом, ответил:

– Это не гости, а слуги. Им в дом князя запрещено входить, да и другого языка, кроме своей тарабарщины, они не понимают. Говорят грубо со всеми, включая царя.

– **Борис хаа!** (Борис!) – вдруг донеслось с улицы.

– **Одоохон!** (Сейчас) – подойдя к окну, отозвался Борис.

– **Сонин байн уу** (Есть новости?), – произнёс грузный чужестранец.

– **Сайн сонин, Ханаа,** (Хорошие новости, мой Хан)– сказал Борис и отошёл от окна.

– О чём речь? – заинтересовало всех.

– Бориска, Бориска. Моё имя Борис, а не Бориска! Ну что за манера цеплять пренебрежительное *-ка* к именам? Хамы! – сказал Борис с возмущением и ... дал дорогу вездесущему суффиксу.

Он повторил диалог, утверждая, что его торопят, и была перебранка:

– Бориска! (1) – Отдых, Хам!(2) – Соня ... (1) – Сам соня, ханаа.(2).

Объяснил значение всех слов чужого языка, кроме слова *хам*. *Хам* – он и у них *хам*.

Борис вышел и принёс обещанный мешок с котом.

– Это нажито мной. Обещайте не развязывать мешок до моего прибытия.

– Ладно, шути, – промолвил отец и приказал Ивану отнести мешок в опочивальню.

– А теперь надо прощаться, – серьёзным тоном, не вязавшимся с образом балагура, сказал Борис. – Приеду через год. Благослови батюшка своего непутёвого сына на добрые дела.

– Уедешь – ты потеряешь нас, а мы – Киев, – повторил свою угрозу князь. Все оцепенели, поскольку никто не был в курсе разговора отца с сыном, состоявшегося накануне, – Проси благословление у братьев.

– Скатертью дорожка, комедиант. Езжай к своим черномазым, – напутствовал Константин. Другие братья были добрее. Сёстры плакали.

Отец развязал мешок, как только представилась возможность, поскольку *он понял всё, о чём переговаривался Борис с Ханом через окно – он знал слово сонин:*

«Что же могло быть хорошей новостью? Конечно же доставка мешка лично мне. Для кого доставка мешка хорошая новость? Для Марии, а Хан, пришлёт подношение только через год. Значит, в мешке есть сюрприз от Марии».

В мешке сверху лежала шкура кота, потом были ветки, под которыми находилась кожаная сумка с веточками какого-то смолистого дерева, с ягодами и давно увядшими листьями. Порывшись в веточках, он обнаружил корону. Это была самая ценная вещь, о которой мечтала Мария – настолько ценная, что ею могли владеть только правители. Но к короне кто-то приложил руку:

«Конечно, Мария не хочет, чтобы коронавание прошло без неё. Приедет и собственноручно отремонтирует корону».

– Что ты сделал сын со своим отцом? – сквозь слёзы прошептал князь, рассматривая растерзанную корону, – Почему не открылся? Это самое лучшее подношение, и теперь нет смысла в наставлениях моей первой жены.

– Ладно. Выполню все твои просьбы сынок. Сделаю завещание, как в былые времена – Мария мне не указ. А через год поеду с сыновьями к твоему господину. Возьму с собой подарок, и пусть твой господин сам наденет корону на достойную голову. А сейчас я спрячу мешок в тайник, о котором никто не знает.

Всеволод, думаю, не пробовал на вкус незнакомую ягоду, но основательно понюхать должен был, запах напомнил запах *черёмухи, цветы которой он дарил своей Ясской княжне*.

Борис покинул славянские княжества, и был далеко, когда в его семье случилась беда. Внезапно заболел отец. Лучшие лекари и знахари лечили князя. Болезнь протекала быстро и, проболев две недели, Великий князь скончался. Великим Владимирским князем стал по неожиданному для всех, завещанию – Юрий Всеволодович. Но об этом Борис узнает только через полгода.

Потом на Руси начнутся *интриги*, козни, междоусобицы и разборки, за которыми будет стоять незаурядная личность – тибетец Лун (Поп Иван).

Что же стало с *коронай* (**хорон** в переносном смысле *зло, злое*, а в прямом – *яд, ядовитое*)? Кто мог случайно или не случайно обнаружить тайник?

Один из братьев Бориса унес корону из тайника. Это был Ярослав, самый практичный и рассудительный среди братьев. Его поведение известно из многих исторических документов становится логичным при условии – Ярослав нашёл и перепрятал кожаную сумку с короной и ядовитыми веточками.

4. Царь зелёный

Обжив Сайхин, Поп Иван не стал отгораживаться от окружающего мира. Обзаведясь помощником Борисом, он с его помощью следил за событиями в татарском княжестве и выжидал. Прямых вопросов он не задавал, только при непринуждённой беседе. Это умение хранить молчание, принималось Борисом за образованность и осведомлённость его Господина.

– А кто такие *копчики*? – вдруг спросил Борис, – Здесь много о них говорят, а я не видел ни одного *копчика*. Один раз встретил человека, похожего на половца и всё.

Унэгхан от удивления даже сел. Если бы Борис в этот момент взглянул на Попа Ивана, то по глазам смог бы прочитать: «Нашёл, кого спрашивать!». Но в лексиконе великого авантюриста слово *мэдэхгүй* (не знаю) отсутствовало, и он сказал назидательно:

– **Чи их уншжээ харин энд начин копчик гэдэх юм** (по смыслу: ты много знаешь, но здешнего кыпчака называют монгольским кыпчаком). У них даже юрты похожие. Скажи лучше, как живут здешние кыпчаки с монгольскими, если ты, хоть это знаешь?

– Как кошка с собакой, – дал Борис свою оценку взаимоотношению кыпчаков и татар, которых он вскоре будет упорно называть монголами.

Ответ Бориса дал подсказку Попу Ивану в использовании названий *партия кошек* и *партия собак* в политических играх. Себя он отнёс к *партии кошек*, и вскоре Сайхин и окружающую его пустыню татары стали называть *Урын Песи*, а Борис русифицировал – *Рын Пески*.

Интерес представил и любовный треугольник Борис – Угуль-Гаймиш – Джучи. Чтобы лакомый кусок достался Джучи, за которого переживал Чингиз, надо было убрать с дороги формального мужа красавицы – хана Субдэя, ставшего слугой Попа Ивана. Ясно было, что Чингиз возмёт татарского хана к себе на службу и заточит его в Хара-Хорине. Следует через Бориса письменно предупредить Бортэ о скором появлении в Манги хана Угэдэя, которого может она вытащить из тюрьмы и использовать в своих целях. Это был первый отчёт раба о проделанной им работе.

Для редких посетителей Кошачьего места Поп Иван устраивал царский приём и сообщал им по секрету, что вскоре он станет Царём над всем Ханством через *переворот*.

Долго ждать удобного случая не пришлось. Чингиз подал идею Борису поднести от имени Ханши подарок Великому князю Всеволоду в виде стада скота, которое сможем собрать Угуль-Гаймиш. История посылки стада описана в Первом очерке.

Бросившись в след за Борисом, Угуль-Гаймиш посетила Мухор, рассказала Чингизу о сговоре Попа Ивана с влиятельными людьми Сарай Шыка и попросила его поселиться во дворце. С её слов, отсутствие хана и ханши в княжестве, делает попытку захвата власти братьями Субдэа реальной, точнее неизбежной. Во дворце останутся два представителя власти: четырёхлетний Батый и его дед, пятидесятидвухлетний Чингиз, который отправит своих гвардейцев в помощь сыну.

Как будут развиваться события, Гаймиш знала, а Чингиз – нет. Дав инструкции Чингизу, как себя вести, она ещё раз напомнила:

– Тебя может спасти только твой внук Батый.

– **Харин бага** (Но малыш)..., – начал возражать Чингиз.

– Никаких *но*, – перебила ханша по-русски, и добавила заранее приготовленную зашифрованную фразу – *Устами младенца глазит истин*.

Она тут же выбежала к осёдлонному коню и исчезла из глаз озадаченного реформатора, который схватил карандаш, чтобы точно воспроизвести слова невестки и получить зашифрованную информацию: **үс-т ам** и младенец **цаг л ази-т ист-ин** (Почти дословно: *волосы вокруг рта и младое время – это для счастья*). У кого растут волосы вокруг рта, и кто олицетворяет собой младое время, Чингиз знал, но предложение союза его напугало, поскольку о решительности невестки он знал не понаслышке.

В Сарай-Шыке за реальную власть боролись две партии: партия братьев Субдэа (партия кошек), на стороне которой был и Поп Иван, и партия братьев Гаймиш (партия собак). Камнем преткновения был малыш Бату, которому его исчезнувший отец завещал всё ханство. Обе партии претендовали на регентство над Батыем до его совершеннолетия. Отдельно стоял вопрос и о воспитателе малолетнего хана. Для обеих партий нужен был консолидирующий лидер, и на такую роль, по общему мнению, лучше всего подходил Чингисхан, бывший в доверии у старого князя. Но Чингиз наотрез отказался от лестных предложений, поступавших от обеих сторон.

Партия братьев Субдэа официально обратилась к всемогущему Попу Ивану, и тот согласился возглавить партию при условии полного ему подчинения. Такое условие не испугало татар, так как реальной опоры в Сарай Шыке у Попа Ивана не было.

Гаймиш же придумала, как сделать Чингиза лидером для своей партии. Для этого надо было показать всем, что Чингиз – дед Батыя, что Джучи – сын Чингиза, что Угуль-Гаймиш – жена Джучи. Если это будет принято в высших кругах ханства, то не будет подвергаться сомнению роль Гаймиш, как приёмной матери Батыя, и Джучи, как отчима малолетнего Батыя. В качестве уступок соперничающей партии, предлагалось привлечь братьев Субдэа к воспитанию Батыя. Главным воспитанником Батыя, его учителем, должен был стать Борис.

Переворот набирал ход, и дошла очередь до четырёхлетнего Батыя. Малыш строго выполнял наказ матери и отвечал то, что наказывала Гаймиш.

В решающую минуту Попу Ивану сообщили, что в случае его победы, Чингиз и Джучил будут посажены на кол, а мнение чужестранца татар не интересуют. Поп Иван в ужасе покинул ряды заговорщиков и *встал за Чингизом*:

– Может, за поддержку тебя, вытацишь меня из пустыни, – попросил Поп Иван.

– Джучи, – громко, не оборачиваясь, сказал в пустоту Чингиз.

Получив отказ, Поп Иван счёл за благоразумие вернуться в Сайхин и там переждать лихое время.

5. Ссылка в Большой Царын и в Дружный

Чингиз решил навсегда покинуть Сарай Шык, где он пережил довольно опасные минуты своей жизни, и уехал в Манги завершать свои реформы. Все свои обязательства по переселению Попа Ивана он переложил на плечи друга Ю, сына Джучи и Бориса, которого перестал ревновать к Джучи..

Однажды рано утром слуга разбудил Попа Ивана:

– Ханаа, прибыл отряд татар. Их командир требует вас к себе, а нам велит собираться.

– Это неслыханно! Здесь не их владения! Никуда я не поеду! – кипел Поп Иван, но горький опыт неудавшегося переворота, не позволял переходить к ответным мерам.

Унэгхан вышел – перед ним стоял хан Джучи:

– Кто просил вытащить его из пустыни? Час на сборы хватит?

– Куда? – только и смог сказать Поп Иван.

– За Волгу, недалеко. Мой отец благодарит тебя за мужественный поступок во время путча и выполняет твою просьбу. До постройки замка, будешь жить в посёлке.

– Опять в глухомани? – поинтересовался затворник.

– Нет. Будешь находиться в половине дневного пробега лошади от Бориса. Вы будете навещать, друг друга, и Борис ознакомит тебя с порядками в том княжестве, где тебе предстоит прожить до конца своей жизни. Половину расходов на твоё содержание будет обеспечивать Сарай Шык, а вторую половину – Борис. Какое название дашь посёлку?

– *Царин* (царский), – попросил Поп Иван.

– **Большой Царын** (Большое Лицо), – поправил Джучи, – Борис свой посёлок назвал Дружным, а Сайхин переходит в татарское княжество. Туда возврата тебе нет. С собой брать только тех слуг, которые не убежали из Сайхина.

– Не велика потеря, – проворчал Поп Иван.

Заговорщики, бежавшие из Сарай Шыка стали постепенно возвращаться в город. Бурные события неудавшегося переворота и последующий отказ от традиционных репрессий нуждались в общественной оценке.

Утвердилось мнение, что всеильный Поп Иван вначале распространил свою власть на татарское княжество: бежал сначала хан Субдэй, а затем хан Джучи с женой. Хан Джучи попросил покровительства у могучего Чингисхана и стал его вассалом, как и Поп Иван. При таком раскладе репрессий не бывает. Небольшая нестыковка в последовательности событий, как правило, не замечается – главное дать простое и правдивое объяснение.

Является ли Джучи сыном Чингисхана – сомневались. Достоверных сведений, кроме слов Чингисхана не было.

Своя трактовка была и у Попа Ивана: В борьбе за власть, партия кошек, к которым он причислил себя и татар, потерпела поражение от партии собак, к которым он отнёс сторонников Чингиза. В этом духе он высказывался не единожды Борису, комментируя бурные события 1213 года.

Борис пропустил бурные события путча и прибыл в уже умиротворённый Сарай Шык. Ни для победителей, ни для бывших бунтовщиков он интереса не представлял.

Неудачники переворота чувствовали себя неууютно. Они распускали слухи о необходимости освободиться от иностранной зависимости, но действовать открыто не могли – выжидали ослабления победителей и появления нового, действительно татарского хана. Взоры неудачников были обращены к Батыю, но малышу было всего 6 лет, и надо было ждать ещё дюжину лет. О юной ханше поползли грязные сплетни, которые вылились в подозрение:

– Ханша – ведьма.

Посёлки **Царын** и Дружный задуманы были Халимом для передачи Унэгхана на попечительство Бориса. Другими словами с лета 1213 по осень 1214 года Унэгхан (Поп Иван) проходил здесь своё предварительное славянское заключение. Но у Попа Ивана была другая оценка ситуации – *ему развязали руки*.

Первый приезд Царя Горохового в Дружный проходил не по плану Унегхана.

Поп Иван заметил отряд Бориса, возвращающийся из Владимира, и стал быстро собираться в дорогу, но из-за сборов прибыл в Дружный с большим запозданием. Не успели дружинники расквартироваться, как дежурный заметил скачущего человека:

– Борис, там несёт нелёгкая кого-то, – сообщил дружинник.

– Что ж надо готовиться к приёму незваных гостей. Будет жаркая битва за посёлок.

Претендентов на него всегда было много, – разъяснил ситуацию Шут Гороховый.

Дружинники спешно выстроились в боевой порядок. Приблизившись к Дружному Поп Иван остановился – его не на шутку испугал грозный вид стражей.

– **Борисхаа, таньсан юу** (Борис, узнал?), – закричал Унэгхан.

– Боя не будет, потому что мы их опередили. Теперь они готовы *танцевать* со мной, – успокоил Борис дружинников и добавил, – Это входит в обязанность *посла*.

Прибывший *царь* хотел беседовать только с глазу на глаз, поэтому Унегхан сказал:

– **Оройн хоол идэх надад явна** (поедем ко мне ужинать).

– Чего он хочет? – спросили дружинники.

– Не понял, но что-то очевидно нужно. У них *надо* – это «нужно», а *явно* – это «очевидно». Поеду к царю выяснять, что *явно надо* – таков удел *послов*. Вернусь – тогда поужинаю и отдохну.

– Как ты узнал, что я прибыл? – поинтересовался Борис у Попа Ивана, когда посёлок Дружный остался позади.

– Ты пронёсся мимо меня – только пыль столбом. Даже не обратил внимания на постройки, – с укоризной ответил Унэгхан.

– Видел вдали постройки, но решил, что это заброшенный посёлок. Никаких признаков жизни не заметил.

– Были в нём строители, но это волки. А волка, сколько не корми – он всё в лес смотрит. Ушли мои волки. Слышал, что ушли они в Дружный.

– Можно найти и вернуть твоих людей? – предложил Борис.

– Ты лучше позаботься, чтобы твои волки не последовали за моими. Мне мои волки сказали, что в посёлке Дружном они долго не задержатся, а пойдут дальше, пока не встретят горы. Горы и лес, что ещё надо волку?

– А как мне удержать строителей? – забеспокоился Борис.

– А никак. Захотят уйти – уйдут и тебя не спросят!

– Пусть уходят. Скоро придут сюда мои подданные, – и Борис рассказал о своём приглашении жителей Тмутаракани.

– Это ты мудро придумал, – одобрил Поп Иван, – но если и их заманят к себе волки, то пусть пеняют на себя. Я это так не оставлю.

– Я их и в горах достану! – погрозил кулаком Москаль в направлении гор Кавказа. К теме волков Поп Иван возвращался неоднократно – он был мстительным.

– Зачем Халим тебе посёлок пожаловал. Могли бы в одном разместиться? – спросил Поп Иван.

– Думаю, что ему нужен пункт для переброски товаров в славянские княжества. Он уже использовал меня в этом деле. Из стада, которое ты подарил моему отцу, его люди на моей родине отобрали всех лошадей. Остальной скот пришлось отдать его сыну, – и Борис в деталях передал историю стада, которое Поп Иван, считая своим.

Великий авантюрист не подал и вида, что услышал от Бориса нечто новое для себя – Легенда была сразу же скорректирована:

– Каково коварство Чингисхана. Он решил без моего ведома назначить правителя. Не получится – корону на Батыя я надену сам, когда Батыю исполнится 18 лет. Надеюсь, твой отец надёжно спрятал корону?

– Теперь о моём посещении родного дома, – осторожно начал Борис, – случилась неприятность: отец умер в апреле двенадцатого года. Корону украл мой брат Ярослав и где-то её спрятал. Сейчас Владимиром владеет мой брат Юрий. Из короны ещё в Сайхине ханша Гаймиш выдрала множество украшений, когда сидела на мешке.

Наступило молчание. Поп Иван задумался, ища выход – хладнокровие было у него отменное:

– Корона никуда не денется. До совершеннолетия Батыя далеко, и его мать успеет остыть и исправить свою работу. Она пока не догадывается о том, кому она мать. А ты отцеубийцу будешь судить сам. Я ваших законов пока не знаю.

– **Эхлэд бодох дараа нь хэлэх** (сначала подумай, потом говори), – впервые резко ответил Борис Попу Ивану.

– Ты не всё знаешь, – сказал Поп Иван, делая вид, что не заметил резкости в словах Бориса, – **Корон хорон анартай байжее** (корона же была с ядовитой ягодой!). Ею был отравлен твой отец. А специально или случайно – выясни сам. Ярослав же не отравился!

Борис стоял, проглотив язык.

– Давай сначала поужинаем, – сменил тему щёф, – А разговор продолжим в другой раз. Тебе надо остыть.

– Обеднел стол, обеднел, – покачал головой Руслан, при виде кушаний выставленных Попом Иваном, – Не тот стол, что был в Сайхине.

– Чем богаты, тем и рады. Меня все бросили на произвол судьбы, – стал приbedняться Унэгхан, – Это всё твоя Русалка. Она заставила Джучил выселить меня из её ханства. Здесь условия, правда, лучше – мои волки даже посадили **горох** и рис – но кто будет их убирать, ума не приложу. С мясом – проблема, и соли не хватает – никто не завозит. Вся надежда на тебя.

– Надежда на меня слабая. Завёз провианта мало. Что можно приобрести у строителей пока не знаю, – сообщил с сожалением Руслан.

– Но ты же будешь воспитывать Батыя, – не понял Поп Иван.

– Ну и что? Какой я учитель? Для Батыя можно найти более подходящего преподавателя. Я даже к Джучи обратился за помощью – обещал помочь.

– Все вы грамотеи, а не можете выгоду извлекать. Да такому учителю как ты, цены нет. Мать Батыя положит большое жалование. А если она к тебе равнодушна, то проси, сколько хочешь, лишь бы помощник не перехватил! – Шеф с воодушевлением открыл глаза непутёвому учителю, – Может и мне малость перепадёт.

Весной 1213 года в Дружном появился посыльный из Сарай Шика – это был татарский слуга, владевший особым языком. Он не кричал как Москаль на всю улицу, а спросил у дружинников:

– **Борис хаанаа** (где Борис?).

Борису доложили.

– Ну вот, доигрался! Чингисхану уже доложили о поездках дипломата к царю, и мой человек сообщает: «Борису хана». Ведите моего слугу на кухню и напоите чаем. Я на всякий случай подготовлю коня – вдруг бежать придётся, – в волнении отдал распоряжение Руслан и добавил, – Потом подойду и побеседую со своим слугой:

– Один ум хорошо, а два лучше. Придумаем что-нибудь!

Переговорив со слугой, Борис объявил дружинникам:

– Еду к Чингисхану повиниться: *повинную голову меч не берёт*. Какое будет наказание, узнаете через пару недель – раньше не ждите.

Впрочем, Борис знал, что скажет он дружинникам по возвращению из Сарай Шыка:

– Чингис-Хан милостив: он назначил меня придворным учителем. Ура!

Спустя длительное время Бориса во второй раз навестил Царь гороховый:

– **Борисхаа, ажил ярилцаар надад явна** (Борис, поедем ко мне поговорить о делах), – закричал Унэгхан въезжая в Дружный со своими слугами.

– *Ожил ярый царь*, – проворчал посол, собираясь в дорогу и беря с собой, первый сделанный им *букварь*, – Бориса ему *надо явно*. А раньше обзывал меня *соней*.

– Ушли и мои поданные вместе с твоими строители, – пожаловался Борис, когда посёлок Дружный остался позади, – Говорят, что в степи жить не могут, в лес, в горы их тянет.

– Говорил же я тебе, – напомнил Поп Иван, – надо было волков сразу прогнать, тогда бы они не увели твоих слуг. А теперь они – одна шайка. Но придёт время – они ответят за свою неблагодарность.

– А как найдёшь ты их посёлок. На Кавказе, говорят, много разных людей живёт, – поинтересовался Борис.

– Скажи, грамотей, – хитро сощурил глаза Поп Иван, – там живут мусульмане или христиане?

– Кажись одни мусульмане, – неуверенно сказал Борис, – о христианах на Кавказе во Владимире никто не слышал. Мы о Кавказе знаем понаслышке – сами там не бывали.

– Одни мусульмане, – твёрдо заявил Царь Гороховый, – так что найдём твоих беглецов.

– *Шут с ними!*, – махнул рукой Борис.

– Нет, ты будешь со мной! – жёстко заявил Поп Иван, – Тебя к ним не отпущу!

Шеф не любил возражений, и спорить с ним было нельзя.

По прибытию в Большой Царын Руслан, передав провиант слугам, сразу же протянул свой, авторский экземпляр *букваря* Попу Ивану.

– Вот, теперь, будет по чему учить грамоте Батыя, и не только его.

Царь Гороховый взял *букварь* и швырнул его в лицо Борису:

– Учи своих детей этому. Император не должен знать грамоты. Он должен управлять людьми с помощью таких грамотеев, как ты или Чингисхан. Ваш удел помогать царям и императорам. Приучай Батыя к мысли, что он выше всех, что ему будет подчиняться весь мир. Но сначала приучи себя подчиняться будущему императору – выполняй все его прихоти!

– Не целовать же мне сопливого ребёнка? – возмутился Борис.

– Что? – Поп Иван от неожиданности повысил голос, – Если потребуется, будешь целовать ребёнка и в *сопли* и в попу!

– Не буду, – твёрдо заявил Борис, – ни за какие деньги.

– Хорошо, – успокоился шеф, – не будешь – так не будешь. Уезжай сейчас в свой посёлок, а мне надо собираться в Сарай Шык. Через три дня я расскажу всё братьям ханши о твоих играх с Гаймиш, ещё накинь неделю на дорогу отряда татар сюда и обратно, так что, через десять дней тебя и твою Русалку посадят на кол. Надо будет не пропустить этого зрелища.

– Ну, что стоишь, как воды в рот набрал. Ступай! Может позвать слуг? Эй, слуги!

– Я погорячился, – поняв, чем кончится у него жизнь, сказал Борис.

– Это не разговор, поговорим завтра, – заявил Москаль и обратился к слугам:

– Отведите гостя в пустой дом и посторожите до утра, чтобы не сбежал.

Одну ночь я ему дарю за хорошую службу.

Одной бессонной ночи хватило Борису, чтобы придти к выводу о том, что у него нет иного выхода, как верой и правдой служить будущему императору, хану Батыю, до конца дней своих. А если и есть выход, то он его не знает. Ему суждено своими руками и своей головой создать жестокую невиданную Империю.

«Но сопляк Батый не будет императором, чего бы этого Руси не стоило», – дал клятву сам себе Борис.

Ю, действуя по инструкции Читнгиза сообщил Борису, что вскоре предстоит перевоз Попа Ивана к славянам в место, где уже наполовину выстроены стены кремля. Чтобы слуги Унэгхана не сорвали операцию, надо будет Попа Ивана заключить под стражу в Дружном, а для этого Дружный надо огородить высоким забором. Срок дан был достаточно большой и дружинники соорудили неприступную крепость. Борис решил поиздеваться над Попом Иваном, за унижения и попросил, чтобы Поп Иван, когда его доставят, сказал пароль *май* (возьми) и дождался отзыва *юу ль* (что?) – тогда ворота откроют и примут арестанта.

– Ханаа, тебя вызывают, – доложил слуга Попу Ивану.

Наученный горьким опытом, он вышел навстречу гостю – перед ним стоял Джучил в окружении гвардейцев Чингиза и без должного приветствия, огласил приказ:

– Отец распорядился доставить тебя в удел Дружный. Одного тебя – остальные остаются здесь,

– Такого указания он не мог дать. Я должен взять их с собой, – возразил Поп Иван, указывая на слуг, – Это остатки моей семьи.

– У тебя появилась другая семья – и она тебя ждёт. Садись на коня и поезжай с нами. По приезде постучишься и скажешь – *май* (прими). Твоя семья сообщила, что, если она захочет принять, то кто-то скажет – *юу ль* (что?!). Мы вмешиваться не будем. Но если тебя не примет семья, или выкинет по пути во Владимир – мы подберём и вернём тебя в первую семью. Вопросы есть?

Вопросы были, но их отселяемый не стал говорить, а молча сел на коня.

Вечером того же дня Поп Иван постучал во въездные ворота Дружного, а Джучи с гвардейцами стали позади него. Вышел дежурный дружинник и, не открывая ворот, спросил:

– Тэбэ чаво?

– *Май* (*возьми*), – арестант назвал пароль.

– *Июнь*, – поправил дружинник, и ворота не открыл. Монголы были удивлены – ответа на пароль не последовало. Поп Иван стоял отрешённо. Подождав немного, гвардейцы

стали трясти ворота, требуя выхода человека, знающего ответный пароль. На шум сбежались все дружинники и, вместе с ними, Борис.

– Чаво тэбэ трэба? – повысил голос дружинник.

– **Май**, – чуть слышно попросил Поп Иван.

– **Июнь**, – хором ответили дружинники, но ворота никто не собирался открывать. По обе стороны от ворот царило недоумение. Борис улыбался, а Поп Иван, которому и предназначалась эта шутка, злился. Когда же в третий раз повторилась эта сцена, Борис сквозь смех приказал дружинникам:

– Ладно, откройте. Обещали в *мае* доставить преступника, а привезли в *июне* и пытаются доказать, что они не опоздали.

– Был бы и-и **ЮУ ЛЬ** (что?!), – сказал он прямо в лицо человеку, когда распахнулись ворота, – не взял бы тебя.

Прибытие в Москву

В конце июня проходила смена дружинников, и по прибытию новой группы, Борис вывез Царя Горохового к себе на родину. Сопровождавшим дружинникам он объявил:

– За **повиновение** и хорошее поведение я простил его и повезу к нам для окончательного перевоспитания закоренелого преступника.

Борис пытался в дороге обучить Попа Ивана русскому языку, которого тот не знал, за исключением пары десятков слов в траковке Шута Горохового. Но Царь Гороховый не мог позволить себе такое панибратство *в присутствии посторонних людей* и всю дорогу, молча, рассматривал степи и леса новой родины.

«Ладно, – подумал Борис, – Погостим сначала во Владимире, а там брат Юрий пусть решает, что с тобой делать».

Но в районе современного Касимова, дорогу перегородил Джучи с гвардией Чингиза. Вид у монгола был начальственный и решительный. Он обратился к Борису на русском языке:

– По приказу моего отца, мне надлежит доставить Попа Ивана в секретное место. В Дружном арестант находился под твоей опекой – опека снимается и ты поедешь к себе без обузы. Мы тронемся в путь только после того, как ты переправишься через реку и скроешься из глаз. Я оставлю пару гвардейцев в своём тылу, для задержания любопытных дружинников, если таковые окажутся.

– Но Поп Иван не знает русского языка!

– Он знал о своей участи, и у него было достаточно времени в Дружном, чтобы научиться твоему языку. Я осилил твой язык с твоей помощью в Сарай Шыке за пару месяцев.

Логика у Джучи была, как говорится, железной.

– Баба з возу – кобыле легче, – пробурчал Шут Гороховый, подчиняясь приказу Халима.

Джучи свернул на Запад, переправился через речку Пара в районе *Лаимы*, направился в сторону посёлка *Тума*, и по наезженной дороге прибыл в недостроенный Первый Московский кремль из белого камня.

Словарь выделенных слов

- Борис** – может рассматриваться как новообразованное слово от **бориис** (из серых).
Означать может разное, в зависимости от фантазии автора, но для титула явно не подходит.
- Задним числом** – означает: задним местом ты (**чи**) сломлен.
- Копчик** – образовано Борисом от слова *кыпчак*. Этим словом он сначала назвал птицу **начин**, а через 10 лет ту часть тела человека, которая соприкасается с седлом или крупом коня.
- Лашма** – переправа (курдское).
- Лис** – перевод на русский монгольского слова **Үнэг**. **Үнэгхан** надо переводить, как *с лисьими повадками* – это основное в понятии **Үнэг** (лиса). Для сравнения: **москвахан** – *москвичи*, то есть главная часть понятия **Москва**.
- Намсарай** – это слово может характеризовать человека. Другие имена *сахюусанов*: *Жигжит, Гомбо, Гонгор, Чойжал, Лхамо, Сэндэма, Шагдор, Самба, Шалши, Жамсаран* – нет. Скорее всего, это слово перешло из тибетского языка с новым смыслом, характеризующим Унегхана: *прохлаждающийся*.
- Нарочный** – образовано от **нар(о)ч** – специалист (ориентироваться) по солнцу.
- Попечитель** – состоит из слов: Поп-е-**чи**-тель и означает – Поп, ты теля.
- Робь** – от южно-российского *робить* (делать).
- Сонин** – новость. Образовано от русского *соня*. *Новостью* для Марии было то, что *Всеволод поздно вставал*.
- Чан** – вари.